

Антипина Елена Сергеевна

Кандидат филологических наук, доцент

Кафедра философии, искусствознания и журналистики,
Байкальский государственный университет,
664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11,
e-mail: antipina418@yandex.ru

Elena S. Antipina

PhD in Philology, Associate Professor

Department of Philosophy, Art Studies and Journalism,
Baikal State University, 11 Lenin Str.,
Irkutsk, 664003, Russian Federation,
e-mail: antipina418@yandex.ru

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И.А. БУНИНА
В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ
(О МАНИПУЛЯТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДНЕВНИКА
«ОКАЯННЫЕ ДНИ»)**

Аннотация. В данной статье изучается языковая картина мира великого русского писателя И.А. Бунина в «экстремальной» ситуации. Автор выявляет манипулятивный потенциал произведения «Окаянные дни», написанного в начале XX века, в период войн и революций, когда происходила «ломка» во всех сферах бытия, и показывает, как под воздействием политических, историко-культурных событий менялась его картина мира. Тот факт, что в центре внимания исследования находится феномен «языковая манипуляция», обусловлен характером лингвокультурной и историко-культурной ситуаций, в которых создавался этот художественный дневник. Выбор произведения в качестве материала исследования, в свою очередь, объясняется тем, что манипулятивное воздействие в «экстремальной» ситуации требует от говорящего особого речевого мастерства, высокой степени убедительности, а также мобилизации всевозможных средств и приемов.

В настоящей работе рассматриваются ключевые способы аргументации и манипуляции, которые И.А. Бунин применяет для выражения собственных взглядов на исторические события, а также лексические средства, стилистические и языковые приемы, позволяющие максимально эффективно осуществлять прагматическое воздействие на читателя.

Доказывается, что в «Окаянных днях» представлена не только смысловая интерпретация окружающего мира, но и широкая палитра чувств, эмоций, что этот дневник синтезирует в себе смысл и эмотивность, а следовательно, обладает высоким манипулятивным потенциалом.

Ключевые слова. Языковая картина мира, И.А. Бунин, дневник писателя, «Окаянные дни», манипуляция, «манипулятивная коммуникация».

Информация о статье. Дата поступления 4 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 30 апреля 2020 г.; дата онлайн-размещения 27 мая 2020 г.

I.A. BUNIN'S LINGUISTIC WORLDVIEW IN AN EXTREME SITUATION (ON MANIPULATION POTENTIAL OF THE DIARY «CURSED DAYS»)

Abstract. The article studies the linguistic worldview of the great Russian writer I.A. Bunin in the context of an extreme situation and measures the manipulation potential of his diary «Cursed Days» written in the period of wars and revolutions in the early 20th century, the time of cardinal changes in all spheres of life. The author shows how the writer's worldview changed influenced by the political, historic and cultural events of those days. The phenomenon of linguistic manipulation is the object of the research, which is explained by the character of the linguo-cultural and historical situation at the time of the diary's publishing. The empirical material is helps to study manipulative behavior in an extreme situation, which requires special speaking skillfulness, a high degree of persuasion, and mobilizing all available means and tools.

The study focuses on key means of argumentation and manipulation that I.A. Bunin uses to express his personal views on the historic events, as well as on lexical means, stylistic devices and techniques that enable the writer to affect the reader.

The author proves that the diary «Cursed Days» contains not only semantic interpretation of the environment, but also a wide range of feelings and emotions, which, thus, makes the diary a synthesis of meanings and emotional states, and therefore, an efficient tool of manipulation.

Keywords. Linguistic worldview, I.A. Bunin, writer's diary, «Cursed Days», manipulation, manipulative communication.

Article info. Received April 4, 2020; accepted April 30, 2020; available online May 27, 2020.

*Посвящается памяти
доктора филологических наук,
профессора, академика АПН СССР,
лауреата Литературной
Бунинской премии Виталия Григо-
рьевича Костомарова
(3.01.1930–26.03.2020)*

Введение

В кризисные периоды исторического развития, как отмечает Герберт Блумер, люди особенно подвержены внушению, легко поддаются пропаганде и откликаются на различные новые стимулы, идеи [1, с. 173]. В переломные моменты, в «экстремальной» ситуации происходит резкая смена картины мира; в ней наблюдаются отклонения, тре-

бующие особых усилий, позволяющих адаптироваться к сложившимся условиям и корректировать свое поведение в зависимости от них. Подобные кардинальные перемены (причем не только исторические, общественно-политические, социальные, культурные, но и мировоззренческие) можно было наблюдать в начале прошлого столетия, которое О.Э. Мандельштам поэтически точно нарек «веком-волкодавом». Тогда Россия вступила в эпоху войн и революций. Начало в череде серьезных социальных потрясений положила революция 1917 г.

С.А. Троицкий [2] называет XX в. временем альтернатив, подчеркивая, что он сконцентрировал в себе

исторические разломы, противоречия, которые, конечно же, отразились в культуре и, прежде всего, в языке. Как отмечает В.М. Шаклеин, лингвокультурная ситуация, складывающаяся в этот момент, выдвигала на первый план упрощенные лингвокультурные универсалии и заставляла даже высшее общество мыслить другими категориями [3]. При этом одна часть интеллигенции, принявшая революцию, поддалась «ломке», а другая — пыталась бороться, понимая, что «через язык как средство накопления исторической памяти народа, идет передача социального, культурного опыта, норм и традиций, осуществляется преемственность поколений, воплощенных в идентичности языковой личности» [4, с. 545].

Своими опасениями и переживаниями по поводу изменений в языке делились многие современники. Впервые попытку зафиксировать и осмыслить языковые процессы, происходящие в годы Первой мировой войны и революции, осуществил русско-французский славист, профессор А. Мазон. В своей монографии «*Lexique de la guerre et de la révolution en Russie*» исследователь критикует такие явления, как активизация аббревиации, экспансия не-литературной лексики, иноязычное воздействие, стремление к созданию новых обозначений и личных имен [5]. О «деградации» русского языка высказывались и другие лингвисты (Э. Мендрас, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, Л.В. Щерба, Р.О. Якобсон, Л.П. Якубинский). Российские филологи Л.В. Щерба [6] и Л.П. Якубинский [7, с. 71–82] были обеспокоены тем, что русский язык стал больше пестрить иностранны-

ми словами и оборотами. По словам А.М. Селищева, в это «смутное время» многое подвергалось «безжалостному изуродованию», «беспощадному исковерканию» [8, с. 167].

Противостояние двух разных языковых культур нашло отражение и в литературной среде. Так, яростный противник реформ языка И.А. Бунин сетует: «<...> образовался совсем новый, особый язык, сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью по адресу грязных остатков издыхающей тирании...» [9, с. 290].

О.Н. Козлова подмечает важную тенденцию, говоря о том, что «XX век — век реального распространения грамотности во всех слоях общества, превращения неграмотности в аномалию — стал временем расцвета манипуляции общественным сознанием» [10, с. 114]. «Языковая манипуляция» в этот период считается основным элементом коммуникативной политики. Такое положение дел неслучайно, ведь язык «как система понятий, слов (имен), в которых человек воспринимает мир и общество, есть самое главное средство подчинения» [11, с. 84]; он является мощным инструментом, способным координировать все сферы человеческой деятельности и обладает возможностью передачи информации в любой области реальных или воображаемых явлений [12].

**Способы и приемы
«языковой манипуляции»
в художественном дневнике
И.А. Бунина «Окаянные дни»**

С.В. Рудзиевская, связывая перемены в литературном процессе

с духовной ситуацией того периода, пишет: «Темп ломки жизненных устоев в XX в. настолько высок, что вся эпоха проходит под знаком переходности, вследствие чего литературная система как часть сферы культуры находится в состоянии постоянной неустойчивости и каждый раз ищет новой опоры» [13, с. 13]. В литературе такой опорой стал дневник писателя. Мастера слова в рамках этого жанра нацеливались на то, чтобы представить мир вокруг себя и себя в мире; они могли меньше уделять внимания отбору материала и позволять себе включать в текст информацию о социально значимых событиях, факты из общественной жизни, собственные эмоции, чувства, переживания.

Размышляя над жанровыми особенностями «Окаянных дней», О.М. Скибина призывает помнить следующее: «И.А. Бунин, в отличие от М. Горького и В.Г. Короленко, изначально не был писателем, которому социальные и общественно-политические явления давали эмоциональный заряд для творчества, и ... именно революция дала ему новые впечатления, открыла ранее не известные горестные ощущения и переживания» [14, с. 424]. Следовательно, создание такого нетрадиционного для писателя произведения говорит о том, что под воздействием политических, историко-культурных событий его картина мира меняется.

И.А. Бунин на страницах этого дневника ведет полемику с идеологическими противниками и многими периодическими изданиями того времени. Вплетая журналистский контент в собственный дискурс, пи-

сатель стремится актуализировать себя как личность, познающую мир. На первый план здесь выходит авторская интенция, которую Н.А. Бубнова считает одним из главных признаков манипуляции, отличающим ее от речевого воздействия [15, с. 50], а в качестве ключевого способа аргументации и манипуляции выступает ссылка на присутствие. Дневник (герой-повествователь) постоянно подчеркивает, что он очевидец тех событий, о которых рассказывает читателям.

Актуализация авторской интенции в дневниковых жанрах происходит посредством местоимения *я*; оно формирует коммуникативный акт таким образом, что главным в нем становится автор-повествователь. Это необходимо для реализации основной художественной задачи — показать исторический факт, момент, когда социальные перемены меняют статус человека в обществе. *Я* у И.А. Бунина — это, прежде всего, средство речевой экспрессии; оно противопоставлено обществу, массе, поскольку человек толпы, по мнению писателя, не умеет теоретически мыслить, адекватно воспринимать действительность и подвержен влиянию извне. Иногда *я* выполняет функцию отождествления, когда дневник приобщает себя к другим ярким личностям, подчеркивая исключительность, отличающую его от остальных (обычных) людей. Следует заметить, что в «Окаянных днях» И.А. Бунин нередко прибегает к цитированию. Обращаясь к «авторитету», в частности, к А.И. Герцену, Л.Н. Толстому, А.К. Толстому, А.П. Чехову и применяя такой способ манипуляции, как ссылка на «великих», он старается убедить чита-

телей в объективности высказываемой точки зрения.

Понимая, что формирование общественного мнения «по плечу» только лидерам, герой-повествователь «Окаянных дней» занимает активную оборонительную позицию. Здесь представлена агрессивная манера ведения разговора (изначально берется высокий и агрессивный темп речи для подавления воли оппонентов). Экспрессивный удар (когда должного эффекта манипулятор добивается намеренным транслированием ужасов жизни, что вызывает первую реакцию протеста и желание во что бы то ни стало наказать виновных) становится у И.А. Бунина излюбленным приемом: «Люди живут мерой, отмерена им и восприимчивость, воображение, — перешагни же меру. Это — как цены на хлеб, на говядину. «Что? Три целковых фунт?!» А значать тысячу — и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность. «Как? Семь повешенных?!» — «Нет, милый, не семь, а семьсот!» — И уж тут непременно столбняк — семерых-то висящих еще можно представить себе, а попробуй-ка семьсот, даже семьдесят!» [9, с. 305]. При этом информация умышленно дробится на отдельные части и подается фрагментарно. Следует заметить, что подобные нарушения логических связей между частями, как утверждает Дж. Вудворд, более всего отличают прозу И.А. Бунина от прозы его предшественников и современников [16]. Обычно такой прием используется для того, чтобы адресату было трудно сложить написанное/сказанное в единое целое и самостоятельно осмыслить проблему, однако в рамках литературного процесса того периода подобные «вольности» восприни-

маются уже как своеобразная эстетическая норма, отражающая духовную ситуацию эпохи и, прежде всего, мозаичный взгляд на мир.

Не менее «богатыми» возможностями в контексте произведения обладает местоимение *мы*, которое также, как и местоимение *я*, принимает активное участие в концептуализации и оценочной интерпретации действительности. Часто местоимение *мы* служит средством объединения людей в референтные группы, однако здесь оно имеет явный идеологический подтекст, а также социальную и политическую значимость. В дневнике «Окаянные дни» местоимение *мы* участвует в создании таких аргументационных приемов, как «манипулятивное обращение к идентичности», «манипуляция при помощи контраста и обобщения», «критика мы-образа».

В большинстве случаев *я* и *мы* становятся частью оппозиции «свой» — «чужой», которая в дневнике писателя тоже является способом манипулятивного воздействия на читательскую аудиторию. Важно отметить, что конфликт «свой» — «чужой» — один из ключевых не только в произведении, но и в русской языковой картине мира, он затрагивает важные сферы человеческой жизни. Все языковые средства, участвующие в репрезентации данной лингвокультурной универсалии, порождают традиционные для русской культуры бинарные оппозиции: «интеллигенция» — «новые сословные классы», «белые» — «красные». Когда речь идет о «чужих», писатель применяет манипуляцию критикой: «И образовался на земле уже целый легион специалистов, подрядчиков по устройению человеческого

благополучия. «А в каком же году наступит оно, это будущее?» — как спрашивает звонарь у Ибсена. Всегда говорят, что вот-вот: «Это будет последний и решительный бой!» — Вечная сказка про красного бычка [9, с. 291].

При описании действий, которые совершают «красные», он прибегает к такому приему, как «манипуляция кровью». Лексема *кровь* — в переносном значении «убийство» — в тексте произведения встречается чаще в сочетании с фразеологическими единицами или в их составе («проливают напрасно кровь», «по горло ходил в их крови», «шагать по колено в крови», где фразеологизмы по горло и по колено (в крови) являются синонимичными и имеют значение «сверх всякой меры»), а также в метафорических оборотах («реки крови», «бешеная горилла уже буквально захлебывается кровью»). Писатель таким образом призывает к осознанию того, что никакая кровь не сможет смыть вторжение постороннего в народное «достояние», в святая святых человека!». Критической оценке подвергается повсеместное нарушение табу (не только в реальной действительности, но и в газетах, журналах), ибо на психику человека должны действовать все те (накопленные цивилизацией) системы норм и запретов в совокупности с принятыми моделями поведения индивида в обществе. Люди толпы потеряли страх, они не боятся грабить, убивать, выходить за эти самые принятые и распространенные нормы жизни в социуме, напротив, они активно к этому призывают других: «А этот громадный плакат на чрезвычайке? Нарисованы ступени, на верхней — трон, от трона текут

потоки крови. Подпись: Мы кровью народной залитые троны Кровью наших врагов обагрим!» [9, с. 325].

Выражая свое отношение к «лагерю чужих», И.А. Бунин использует манипулятивный прием — «наклеивание ярлыков» (В.И. Ленина и В.В. Маяковского называет Полифемами, площадными шутами, революционеров-красноармейцев — ярыгами). Однако в то же время, писатель критикует подобное средство воздействия на читателя: «Михрютка, дробящий дубиной венецианское зеркало, у нас непременно гунн, скиф, и мы вполне утешаемся, наклеив на него этот ярлык» [там же, с. 322]. Применяется и такой прием манипуляции, как «принцип контраста», который заключается в том, что важная информация подается на фоне другой, изначально негативной: «Читал о стоящих на дне моря трупах, — убитые, утопленные офицеры. А тут «Музыкальная табакерка» [там же, с. 282].

И.А. Бунин подвергает резкой критике и другие манипулятивные приемы, которые используются в современных ему газетах, в частности, «односторонность в освещении событий», «ложный накал страстей», «образ врага», «повторение», а также «манипуляцию словами»: «Совершенно нестерпим большевистский жаргон. А каков был вообще язык наших левых? «С цинизмом, доходящим до грации... Нынче брюнет, завтра блондин... Чтение в сердцах... Учинить допрос с пристрастием... Или — или: третьего не дано... Сделать надлежащие выводы... Кому сие ведать надлежит... Вариться в собственном соку... Ловкость рук... Нововременские молодцы...» А это употребление с какой-то якобы ядо-

витейшей иронией (неизвестно над чем и над кем) высокого стиля? Ведь даже у Короленко (особенно в письмах) это на каждом шагу. Непремено не лошадь, а Росинант, вместо «я сел писать» — «я оседлал своего Пегаса», жандармы — «мундиры небесного цвета» [9 с. 308].

Включая в повествование фрагменты из печатных изданий того времени, писатель прибегает также к «манипулятивному комментированию» для того, чтобы сломить позицию тех, кто принял революцию: «Революция — стихия...» Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются. А революцию всегда «углубляют» [там же, с. 309]. Лишь в редких случаях он отказывается от всяческого комментирования, провоцируя читателя на выражение собственной оценки. Например, это происходит при описании содержания агитационных плакатов, которые говорят сами за себя и без того являют все «ужасы красного террора».

Заключение

В произведении «Окаянные дни» И.А. Бунин использует разные средства и приемы манипуляции, поскольку он стремится создать свою ментальную модель действительности, альтернативную той, которая формировалась под знаком разрушения традиционных ценностей и «старой» культуры. Прагматическое воздействие достигается преимущественно за счет лексических средств, репрезентирующих оппозицию «свой» — «чужой», в частности, личных местоимений *я* и *мы*, а также благодаря таким языковым средствами, как метафора, антитеза, образность, интертекстуальность, языковая игра, ирония и сарказм.

В этом «документе эпохи», созданном умелой рукой мастера, представлена не только смысловая интерпретация окружающего мира, но и широкая палитра чувств, эмоций. Дневник писателя синтезирует в себе смысл и эмотивность, что позволяет говорить о его огромном манипулятивном потенциале.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блумер Г. Коллективное поведение / Г. Блумер // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. — Москва : Изд-во МГУ, 1994. — С. 168–215.
2. Троицкий С.А. Ускорение времени / С.А. Троицкий // Философия старости: геронтология : сб. материалов конф. — Санкт-Петербург, 2002. — Вып. 24. — С. 66–71.
3. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста / В.М. Шаклеин. — Москва : Общество любителей русской словесности, 1997. — 184 с.
4. Муzychuk Т.Л. «Спасибо, что живой»: этнокультурный потенциал русской языковой личности как фактор национальной безопасности / Т.Л. Муzychuk. — DOI 10.17150/2308-6203.2017.6(4).541-554 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2017. — Т. 6. № 4. — С. 541–554.
5. Mazon A. Lexique de la Guerre et de la Revolution en Russie (1914-1918) / A. Mazon. — Paris : Champion, 1920. — 64 p.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба ; ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич. — Ленинград : Наука, 1974. — 427 с.
7. Якубинский Л.П. Язык и его функционирование : избр. работы / Л.П. Якубинский ; ред. А.А. Леонтьев. — Москва : Наука, 1986. — 205 с.
8. Селищев А.М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926) / А.М. Селищев. — 2-е изд. — Москва : Работник просвещения, 1928. — 248 с.

9. Бунин И.А. Собрание сочинений : в 9 т. / И.А. Бунин ; сост. и авт. вступ. ст. И. Владимиров ; коммент. А. Бабореко. — Москва : Терра-кн. клуб, 2009. — Т. 8 : Из дневниковых записей ; Окаянные дни. — 384 с.
10. Козлова О.Н. Манипуляция сознанием и субъектность в XXI веке / О.Н. Козлова // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. — 2010. — № 3. — С. 113–130.
11. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. Москва : Эксмо, 2003. — 832 с.
12. Новикова М.Л. Креативный потенциал языка СМИ: слово — пьльцы, слово — ткань, слово — лен / М.Л. Новикова, Ф.Н. Новиков. — DOI 10.17150/2308-6203.2019.8(2).315-329 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — Т. 8, № 2. — С. 315–329.
13. Рудзиевская С.В. Дневник писателя в контексте культуры XX века / С.В. Рудзиевская // Филологические науки. — 2002. — № 2. — С. 12–19.
14. Скибина О.М. Журнализм или писательство? (О синкретизме документального и художественного у русских писателей / О.М. Скибина. — DOI 10.17150/2308-6203.2019.8(2).421-432 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — Т. 8, № 2. — С. 421–432.
15. Бубнова Н.А. Роль авторской интенции в манипуляции сознанием с помощью языка (на материале публицистики) Н.А. Бубнова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2012. — № 1. — С. 50–54.
16. Woodward J.B. Ivan Bunin: A Study of his Fiction / J.B. Woodward. — Chapel Hill : The Univ. of North Carolina Press, 1980. — 275 p.

REFERENCES

1. Bloomer G. Collective Behavior. In Dobrenkov V.I. (ed.). *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought], Lomonosov Moscow State University Publ., 1994, pp. 168–215. (In Russian).
2. Troitsky S.A. Acceleration of Time. *Filosofiya starosti: gerontosofiya* [The Philosophy of Old Age: Gerontosophia]. Saint Petersburg, 2002, iss. 24, pp. 66–71. (In Russian).
3. Shaklein V.M. *Lingvokul'turnaya situatsiya i issledovanie teksta* [Linguocultural Situation and Study of the Text]. Moscow, Obshchestvo lyubitelei russkoi slovesnosti Publ., 1997. 184 p.
4. Muzychuk T.L. «Thank You for Being Alive»: Ethnocultural Potential of the Russian Linguistic Persona as a Factor of National Security. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistsiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 541–554. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(4).541-554. (In Russian).
5. Mazon A. *Lexique de la Guerre et de la Revolution en Russie (1914-1918)*. Paris, Champion, 1920. 64 p.
6. Shcherba L.V.; Zinder L.R., Matushevich M.I. (eds). *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language System and Speech]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. 427 p.
7. Yakubinsky L.P. *Yazyk i ego funktsionirovanie* [Langue et Fonctionnement]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 205 p.
8. Selishchev A.M. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi: iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917-1926)* [The Language of the Revolutionary Era: from Observations on the Russian Language in Recent Years (1917-1926)]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya Publ., 1928. 248 p.
9. Bunin I.A.; Vladimirov I., Baboreko A. (eds). *Sobranie sochinenii* [The Collected Works]. Moscow, Terra-knizhnyi klub Publ., 2009. Vol. 8. 384 p.
10. Kozlova O.N. Manipulation with Consciousness and Subject in the XXI Century. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskuststvedenie = RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism*, 2010, no. 3, pp. 113–130. (In Russian).
11. Kara-Murza S.G. *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation with Consciousness]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 832 p.

12. Novikova M.L., Novikov Ph.N. Creative Linguistic Potential of Media Language: the Word as a Multifunctional Weaving Tool. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 315–329. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).315-329. (In Russian).

13. Rudzievskaya S.V. The writer's Diary in the Context of XX Century Culture. *Filologicheskie nauki = Philological Sciences*, 2002, no. 2, pp. 12–19. (In Russian).

14. Skibina O.M. Journalism or Writing? (On the Syncretism of the Documentary and Fiction in Russian Writers' Creative Works). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 421–432. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).421-432. (In Russian).

15. Bubnova N.A. The Author's Intention Role in the Speech Manipulation (a Study of Publicistic Texts). *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2012, no. 1, pp. 50–54. (In Russian).

16. Woodward J.B. Ivan Bunin: A Study of his Fiction. Chapel Hill, The University of North Carolina Press, 1980. 275 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антипина Е.С. Языковая картина мира И.А. Бунина в экстремальной ситуации (о манипулятивном потенциале художественного дневника «Окаянные дни») / Е.С. Антипина. — DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(2).387-395 // Вопросы теории и практики журналистики. — 2020. — Т. 9, № 2. — С. 387–395.

FOR CITATION

Antipina E.S. I.A. Bunin's Linguistic Worldview in an Extreme Situation (on manipulation potential of the diary «Cursed Days»). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2020, vol. 9, no. 2, pp. 387–395. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(2).387-395. (In Russian).